

Мая. 1894

Чайка.

Странное впечатлѣніе произвела на меня пьеса А. Чехова «Чайка». И вмѣстѣ съ тѣмъ она мнѣ очень понравилась.

Что-то новое, оригинальное, а не рутинное и шаблонное видите вы на сценѣ.

Вотъ въ двухъ словахъ сюжетъ пьесы. На берегу озера жила чайка. Шелъ охотникъ и «отъ нечего дѣлать» застрѣлилъ ее. Въ деревнѣ, тоже на берегу озера, жила молодая дѣвушка Зарѣчная, жила беззаботно, посвящая свои досуги своему другу, любимому человѣку юношѣ, Треплеву, и раздѣляя съ нимъ все его стремленія и интересы.

Треплевъ написалъ пьесу, въ которой стремился ниспровергнуть всю ту рутину, все тѣ узкія рамки, въ которыхъ, по его мнѣнію, заключено драматическое искусство. Треплевъ поставилъ эту пьесу въ деревнѣ у дяди. Главную роль исполняла Зарѣчная. Пьеса не имѣла успѣха. Никто не понималъ даже, что авторъ хотѣлъ сказать своей пьесой. Мать Треплева, известная артистка Аркадина и молодой беллетристъ Тригоринъ, съ которымъ Аркадина была въ открытой связи, даже поднимли на смѣхъ автора.

Женщина не прощаетъ любимому человѣку, если онъ хоть разъ оказался смѣшнымъ.

То же случилось и здѣсь.

Зарѣчная разлюбила Константина и влюбилась въ беллетриста Тригорина. Беллетристъ уговорилъ ее идти на сцену, увлекъ ее и «отъ нечего дѣлать» погубилъ и ее, и Константина, который въ послѣднемъ актѣ застрѣливается.

Вотъ та параллель, которая проводится въ пьесѣ.

Въ общемъ все это въ высшей степени жизненно и талантливо написано, но пьеса «кажется намъ» не сценичной, а почему, это я сейчасъ постараюсь объяснить.

А. Чеховъ хочетъ ниспровергнуть все старыя шаблоны, по которымъ пишутся пьесы. Онъ говоритъ устами Константина: «Новыя формы нужны... Не слѣдуетъ заключать драму между четырехъ стѣнъ сцены... нужно изображать жизнь такой, какой она намъ кажется».

Итакъ Чеховъ стремится къ новымъ формамъ избѣгаетъ стереотипнаго шаблона, и намъ, которымъ эти старыя формы всосались въ плоть и кровь, намъ эти формы и кажутся не сценичными.

Ширина таланта Чехова не можетъ уместиться въ тѣсныхъ рамкахъ современной сцены. Ему нуженъ просторъ.

Въ пьесѣ все ново: и формы, и типы.

Вотъ нѣсколько примѣровъ. Введенъ въ пьесу сельскій учитель, человѣкъ, который за гроши не продастъ ни силъ, ни здоровья, человѣкъ, который стремится принести поль-

зу меньшимъ своимъ братьямъ, обучая ихъ грамотѣ.

Обыкновенно такихъ типовъ изображаютъ симпатичными борцами за правду и просвѣщеніе.

Чеховъ своего учителя вывелъ фюринимъ идиотомъ.

Другой примѣръ.

Введена артистка, у которой есть сынъ. Но старымъ формамъ («Безъ вины виноваты») и др. Эта мать должна бы быть любящей, самоотверженной матерью, а Аркадина даже жалѣетъ денегъ на новый сюртукъ для сына.

И все таки, повторяю, все это очень жизненно, и что не говорите, пьеса эта въ высшей степени заслуживаетъ вниманія.

Такъ жизненны типы и этого юноши неврастеника Константина, и старата дяди, и управляющаго съ его семействомъ, и доктора и больше всего беллетриста Тригорина. Этотъ типъ, по моему самый удачный въ пьесѣ. Онъ удивительно мастерски обрисованъ и много правды звучитъ въ словахъ его, когда говоритъ онъ о положеніи въ обществѣ моднаго беллетриста. Впрочемъ мысли эти не оригинальны. Все это чуть-ли не цѣлкомъ вы найдете въ разсказѣ г-на де-Мопассана «На водѣ», о которомъ даже говорится на сценѣ (начало второго акта) и, подъ влияніемъ котораго, мнѣ кажется, написана «Чайка». Кромѣ этого влияния, видно также и влияние Меттерлинка, особенно его пьесы «Тайны души». Въ «Тайнахъ души», если помните, двое прохожихъ находятъ трупъ дѣвушки на берегу рѣки и идутъ сообщить объ этомъ ея семьѣ, но, подойди къ окну видятъ мирное тихое безмятежное состояніе семьи и не рѣшаются нарушить этого покоя, не рѣшаются войти и сказать.

Также и здѣсь. Въ послѣднемъ актѣ слышенъ выстрѣлъ. Все вздрагиваютъ. Докторъ говоритъ: «это должно быть взрывъ въ моей лабораторіи». Докторъ уходитъ въ сосѣднюю комнату и все продолжаютъ играть въ лото. Докторъ возражается и успокаиваетъ всѣхъ, что это дѣйствительно взрывъ. Затѣмъ онъ отзывается въ сторону Тригорина и говоритъ ему: «Предупредите какъ нибудь Иришу Николаевну, Константинъ Гаврилычъ застрѣлился». Когда я видѣлъ эту пьесу въ первый разъ на сценѣ Александринскаго театра, мнѣ показалось, что пьеса эта должна быть гораздо интереснѣе въ чтеніи, чѣмъ въ постановкѣ.

То, что увидѣлъ я третьяго дня у г. Соловцова, немного разубѣдило меня въ этомъ. У г. Соловцова пьеса идетъ лучше.

Г-жа Глѣбова даетъ намъ цѣльный образъ артистки Аркадиной, завистливой, ранимой, скупой, но все таки питающей какую то инстинктивную жажду къ сыну.

ТЕАТРЪ

Хорошъ очень г. Родинъ-Исаровъ въ роли беллетриста Тригорина. Г. Сазоновъ, котораго я раньше видѣлъ, отнесся къ этой роли очень шаблонно, а у г. Родинъ-Исарова видна детальная обработка роли.

Г. Киселевскій далъ очень жизненный типъ слабохарактернаго старика, почти разбитаго параличемъ, попавшаго противъ воли въ помѣщики и тратящаго на дѣла хозяйства даже свой небольшой пенсіонъ.

Гг. Соловцовъ и Чужбиновъ тоже были очень типичны въ роляхъ доктора и управляющаго.

Гг. Ленковский, Агранова и Чужбиновъ тоже положили повидимому много труда.

Но кто больше всѣхъ мнѣ понравился, такъ это г. Леонидовъ. Столько нервности, темперамента и, главное, простоты и жизни въ исполненіи! Въ роли Константина у него были прямо-таки художественные моменты. Особенно сцена съ матерью въ третьемъ актѣ, за что артистъ былъ вызванъ греди дѣйствія два раза всѣмъ театромъ. Артистъ этотъ еще молодъ, въ немъ замѣчается, правда, нѣкоторая угловатость движеній, не эффектная позировка и нѣкоторыя шероховатости но все-же можно пророчить ему большую будущность.

Я не могу сказать, чтобы мнѣ понравилась г-жа Морская въ роли Зарѣчной. Г-жу Морскую я предпочитаю видѣть въ комедіяхъ въ роляхъ coquette и ingénue comique. Для драмы же у нея, если хотите, слишкомъ «бѣлый» голосъ и слишкомъ мало глубины.

М. К.

(У нас
не распробовано)